

потом больше броситься некуда, и она, смирившись, возвращает нас к обычной псевдоромантической дребедени. В общем, она делает то, что делала бы и другая хорошая певица на ее месте. Не одна Майя Головня испытывает трудности с репертуаром. Но голос ее знает, что в стене не надо искать лазейку. Надо подняться над стеной.

Культура эстрады не поднялась еще до общего нынешнего культурного уровня, но мир этот прочно сколочен, и личная культура какого-нибудь артиста, если она выше установившейся нормы, может пробиться через эту норму уж не знаю каким усилием. Майя Головня талантлива до удивления (удивительно, что она так талантлива и совсем не так известна), и чтобы сделать усилие — ей нужно мужество отказа. Кто из певиц умеет на требования «любимых новинок» спокойно ответить: «Я этого не пою»? Майя Головня должна суметь. Речь идет не о круге песен, а о круге чувств. Избирательность вкуса озадачивает публику очень недолго, а потом побеждает. Свободен не тот, у кого все есть, а тот, кто сумел освободиться от всего, что ему не нужно.

Майя Головня с ее высокой музыкальной одаренностью и высшим музыкальным образованием и с прекрасными музыкантами — квартетом Александра Никитина — может делать более сложные вещи, чем принято на эстраде. Именно поэтому у нее с необычайной красотой звучат вещи простые до примитивности. Но там, где ни холодно ни горячо, где тепловато, — там она тускнеет.

В ее пении есть отрешенность. «Интимный контакт с аудиторией» — не для этого низкого голоса, который уходит в себя или раздается высоко над нами, наполняя сердца тревогой. Весь мир может уместиться в этом голосе, «а у нас во дворе» не уместится.

«Я знаю — снова не получится из этой встречи ничего», — поет Майя Головня. Я открыл ее самостоятельно, без помощи пластинок, радио и телевидения (правда, мне ее хвалили, но я не верил), на концерте для «работников искусств», где ей было отведено одно отделение. Обычно же она поет в «сборных» концертах — две-три песни из стандартного набора.

А. АСАРКАН.